

Оглавление

Логический позитивизм Е. В. Булыгина и его актуальность 10

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Мир юридического позитивизма и антропологическое измерение

права	27
Введение	27
1. Юридический позитивизм: вводные методологические замечания	28
2. Проблемы рецепции современной аналитической философии права в русскоязычном теоретическом правоведении	31
3. Юридический позитивизм в контексте эволюции концепции Г. Кельзена	36
4. Непозитивистские концепции К. Коссио и Л. Рекасенса Сичеса	42
5. Логический позитивизм Е. В. Булыгина: формирование и содержание концепции	45
6. Концептуальный аппарат концепции Е. В. Булыгина.	52
7. Практические следствия для правоприменения	56
8. Логический позитивизм и антропологическое измерение права	59
Заключение	68
Проблемы чистого учения о праве в работах Е. В. Булыгина.	71
Введение	71
1. Отделение идеализма от позитивизма	73
2. Антиномия в чистом учении о праве	79
3. Действительность и действенность права	82
4. Судебное нормотворчество	88
5. Основная норма.	93
6. Нормы и нормативные предложения	103
7. Пробелы и противоречия в правопорядке	108
Заключение	115
Развитие идей Альфа Росса в концепции действительности и действенности права Е. В. Булыгина	118
Введение	118
1. Три понятия действительности	120
2. Альф Росс о действительности и действенности права	122
3. Развитие и критика Е. В. Булыгиным идей А. Росса.	124
4. Сравнение концепций Е. В. Булыгина, Г. Кельзена и А. Росса	128
Заключение	133

Рациональность права в контексте юридического позитивизма	
Е. В. Булыгина	135
Введение	135
1. Рациональность права по Е. В. Булыгину	136
2. Споры в отечественной юриспруденции о рациональности права	138
3. Постклассический подход к рациональности права	141
Заключение	145
ТЕОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	
Индивидуальные нормы и логический вывод: теория	
правоприменения Е. В. Булыгина	149
Введение	149
1. Обоснование судебных решений	150
2. Понятие нормотворчества	151
3. Создаваемые судами нормы	156
4. Субсумция и оценочные понятия	159
Заключение	162
Логический и функциональный подходы к пониманию коллизий	
норм права	164
Введение	164
1. Логический подход	165
2. Функциональный подход	173
3. Сравнение логического и функционального подходов	175
Заключение	178
Принцип полноты права и его применение в Конституции	179
Введение	179
1. Обоснованность принципа полноты права	181
2. Содержание принципа полноты права	183
3. Римское право как отражение принципа полноты	186
4. Полнота права как инструмент его саморазвития	190
Заключение	194
Nullum crimen sine lege как принцип законности и как «правило	
замыкания» сферы юриспруденции	196
Введение	196
1. Nullum crimen sine lege как принцип законности	197
2. Nullum crimen sine lege как «правило замыкания» сферы	
юриспруденции	198
3. Nullum crimen sine lege в интерпретации законодателя	200
4. Nullum crimen sine lege в интерпретации судьи	204

5. Nullum crimen sine lege в интерпретации граждан	206
Заключение	207
АРГУМЕНТАЦИЯ И ОБОСНОВАНИЕ В ПРАВЕ	
Логические аспекты обоснования решения	211
Введение	211
1. Дедуктивная (силлогистическая) модель правоприменения:	
генеалогия и основные положения	212
2. Дедуктивная модель правоприменения Е. В. Булыгина: ответы на	
критические аргументы правового реализма	215
3. Обоснование vs выведение решения	220
4. Обоснованность и корректность решения	225
5. Совместимость решений, выводимых из родового и индивидуального	
нормативных множеств	227
Заключение	230
Естественно-правовые основания доктринальных суждений	232
Введение	232
1. Аксиомы в юридическом мышлении	233
2. Дескриптивность нормативных высказываний	237
3. Смысл и контекст нормативного высказывания	242
Заключение	248
Проблемы ценностной аргументации в юридическом	
позитивизме	250
Введение	250
1. Когда необходимы ценностные аргументы?	251
2. «Свобода от ценностей» и ее компромиссная формула в	
юридическом позитивизме	257
Заключение	260
Обоснование прав человека как ахиллесова пята юридического	
позитивизма	263
Введение	263
1. Отрицание прав человека в учении Г. Кельзена	265
2. Моральное обоснование прав человека: вариативность подходов и	
общность результатов	271
Заключение	278
ЛОГИКА НОРМ	
Экспрессивная концепция норм и теория речевых актов	283
Введение	283

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБОСНОВАНИЯ РЕШЕНИЯ

Аннотация: Основная идея работы заключается в тезисе о том, что требование логической корректности обоснования решения, составляющее квинтэссенцию дедуктивной модели правоприменения, с одной стороны, недостаточно, потому что не обеспечивает формальной обоснованности решения, а с другой – является чересчур жестким, потому что даже формальное доказательство непротиворечивости не может продемонстрировать совместимость и когерентность отдельных содержательных шагов обоснования. Не отказываясь от рационального идеала логической корректности обоснования решения, на примере «дела Алисы» мы показываем, что для реконструкции обоснования как дедуктивного вывода необходимо и достаточно, чтобы содержание решения – заключение правоприменительного рассуждения – было совместимо с содержанием посылок, из которого оно выводится. Для конструирования подобного рассуждения отбрасывание некогерентных элементов оказывается важнее соблюдения требования логической корректности. Вклад Е. В. Бульгина в разработку дедуктивной модели правоприменения, которому посвящено наше исследование, не освобождает ее от ограничений эпистемического и социального характера.

Ключевые слова: норма, нормативная система, дедуктивная модель правоприменения, обоснование, решение.

Введение

Логическая корректность обоснования решения составляет квинтэссенцию дедуктивной модели правоприменения, оно идет рука об руку с представлениями о непротиворечивости и полноте права. Наша идея состоит в том, что требования логической корректности недостаточно для обоснования решения, потому что она не обеспечивает формальной обоснованности решения. Одновременно оно является чересчур жестким, потому что формальное доказательство непротиво-

¹ Исследование Е. Н. Лисанюк проводится при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием».

речивости не может продемонстрировать совместимость и когерентность отдельных содержательных шагов обоснования. Не отказываясь от рационального идеала логической корректности обоснования решения, на примере «дела Алисы» мы показываем, почему для реконструкции обоснования как дедуктивного вывода необходимо и достаточно, чтобы содержание решения – заключения правоприменительного рассуждения – было совместимо с содержанием посылок, из которого оно выводится. Для конструирования подобного рассуждения отбрасывание некогерентных элементов оказывается важнее соблюдения требования логической корректности. Иллюстрацией этому служит Шерлок Холмс из сочинений А. К. Дойла, предъявляющий своему компаньону Джону Ватсону рассуждения в форме дедуктивных умозаключений, из-за чего многие называют метод Холмса дедуктивным. Однако, когда Холмс раскрывает ход своих рассуждений, то оказывается, что за кадром его дедукции кроется цепь рассуждений разного рода, включающая аналогию и абдукцию для устранения разнообразных пробелов и отбрасывания неудачных догадок. В разработку дедуктивной модели правоприменения¹ Евгений Викторович Булыгина внес весомый вклад, во многом – совместный с Карлосом Эдуардо Альчурроном. Вместе с тем этот вклад не освобождает ее от ограничений эпистемического и социального характера, чему посвящено наше исследование.

1. Дедуктивная (силлогистическая) модель правоприменения: генеалогия и основные положения

Учение о том, как общие нормы закона «превращаются» в судебные решения, определяющие права и обязанности участников правового конфликта, традиционно называют учением о применении права, относя его «к самым важным во всей системе права»². Его централь-

¹ Термины «дедуктивная модель правоприменения» и «силлогистическая модель правоприменения» здесь используются как синонимы из уважения к традиции употребления этих терминов в философии права. От того, что силлогизм – разновидность дедуктивных умозаключений, многообразие форм которых не сводится к силлогизму, мы отвлекаемся.

² Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. С. 157.

ной проблемой является проблема обоснования решения, и для такого обоснования принято использовать, прежде всего в континентальной правовой доктрине, дедуктивную (силлогистическую) модель рассуждения, или «теорию судебного силлогизма»¹.

Основные положения силлогистической теории применения права явным образом сформулированы доктриной еще в начале XIX в. Основанием силлогистической модели являлась презумпция «Единства» (непротиворечивости) и «Полноты» системы права – «Целого», которое «предназначено для решения любой задачи, встречающейся в области права»², при этом, как правило, предполагалось, что для каждой правовой проблемы существует только одно верное решение³. Данная презумпция отнюдь не исключала наличие в нормативной системе противоречий и пробелов, но обуславливала требование восстановления «Единства» и «Полноты», обращенное к доктрине и судьям: «Если нет единства, – писал Ф. К. фон Савиньи, – то нам следует устранять *противоречие*, если нет полноты, то нам следует восполнять *пробел*»⁴, подчеркивая, что «требование *Полноты* является таким же обязательным, как и требование единства»⁵. Возможность такого «восстановления» связывалась с обнаружением в системе права правовых принципов, благодаря чему возможно «осознание внутренней связи... между всеми юридическими понятиями и положениями»⁶.

Генетически восходя к средневековой схоластике и юриспруденции школы глоссаторов⁷, тезис единства и полноты системы права получил новый импульс в эпоху европейских кодификаций, первоначально будучи связанным с естественно-правовой школой, а впоследствии

¹ Булыгин Е. В. Логика и право // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 74.

² Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права // Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 417–418.

³ Булыгин Е. В. Логика и право. С. 74.

⁴ Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. 1. С. 418.

⁵ Там же. С. 433.

⁶ Савиньи Ф. К., фон. О призвании нашего времени к законодательству и правведению // Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. 1. С. 138–139.

⁷ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, Инфра-М – Норма, 1998. С. 150–152.

и с развитием классического юспозитивизма. Генеалогия этой идеи иллюстрирует отмеченную Е. В. Булыгиным и К. Э. Альчурроном «поразительную живучесть Постулата Полноты» права¹ как рационального идеала юриспруденции.

Институциональным основанием дедуктивной модели правоприменения стал принцип разделения властей, в особенности разделения функции *создания* права, осуществляемой законодательной (представительной) властью, и функции *применения* (созданного) права, поручаемой судебной власти. Отсюда следовал важнейший этический принцип обращения судьи с текстом закона – «относиться с почтением к [его] положениям»², а также запрет «наполнять» текст закона собственным смыслом: когда «толкователь [закона] пытается улучшить... его истинное содержание, то ставит себя выше законодателя и, следовательно, не видит границ своего занятия; то, что он делает, уже не толкование, а реальное развитие права. Подобное смешение границ между разными по сути занятиями является достаточным... основанием для того, чтобы полностью отказаться от этого вида толкования и лишить судью правомочия на это (согласно чистому понятию его занятия)»³. Точно так же возбранялось заменять положения закона собственными моральными соображениями, ориентируясь на «внутреннюю ценность результата» толкования, что является «самым опасным», так как вследствие этого «толкователь легче всего может выйти за границы своего занятия и перейти в область законодателя»⁴. Соответственно использование силлогистической модели в правоприменении «благодаря надежности строго научного метода» рассматривалось как позволяющее исключить «любой произвол» и избежать двух крайностей: *с одной стороны*, ограничения судьи «механическим исполнением Буквы, которую ему нельзя интерпретировать», с другой – ситуации, когда «для каждого судебного случая судья обязан был бы находить право»⁵.

¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 191.

² Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I. С. 408.

³ Там же. С. 450–451.

⁴ Там же. С. 397.

⁵ Там же. С. 192.

С тем, что применение права, завершающееся вынесением решения, имеет «всецело и исключительно дедуктивный или силлогистический характер»¹, долгое время были согласны и логики, и юристы. Так, с точки зрения Г. Ф. Шершеневича «любое судебное решение обнаружит его логическую природу»². Резолютивная часть судебного решения предстает как вывод из двух посылок: большей, в качестве которой выступает интерпретированная судом норма права, и меньшей – установленная судом совокупность фактов. Усмотрение судьи, проявляющееся в выборе нормы и ее интерпретации, а также в установлении доказанности фактов, не позволяет считать следующее из посылок заключение (решение) судьи «простым механическим делом»³. Вследствие того, что между основанием и заключением имеется логическое отношение, конститутивной частью судебного решения, обладающей законной силой, признавалась не только собственно резолютивная часть (решение в узком смысле), но и мотивировочная, содержащая обоснование решения⁴.

2. Дедуктивная модель правоприменения Е. В. Булыгина: ответы на критические аргументы правового реализма

На рубеже XIX–XX вв. силлогистическая модель обоснования судебного решения, как известно, подверглась критике в рамках школы свободного права, а впоследствии – американского правового реализма. Главным предметом реалистической атаки на дедуктивную модель правоприменения стала сама модель субсумции как не способная адекватно отразить реальный процесс того, как судьи принимают решения.

Разделяя дедуктивную теорию применения права, Булыгин и Альчуррон существенно модифицируют ее, расширяя ее содержание путем

¹ Миль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 699.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избр.: в 6 т. М.: Статут, 2016. Т. 4. С. 606.

³ Там же. С. 619.

⁴ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 4. С. 212.

включения в нее проблем, поставленных правовыми реалистами в их критике дедуктивной модели. Полагая, что «движение реализма разработало оздоровительные коррективы формалистических эксцессов правовой догматики»¹, Булыгин, однако, считает необходимым разграничить два вопроса – вопрос нормативного обоснования решения, который, по его мнению, является исключительно логическим, и психологический вопрос мотивации судьи при принятии решения, ответ на который предполагает исследование каузальной связи между психологическими мотивами принятия решений и самим решением². Таким образом, разграничение логического вопроса нормативного обоснования решения и психологического вопроса причинно-следственной мотивации судьи при принятии решения позволяет Булыгину, с одной стороны, изолировать в определенной части проблему нормативного обоснования решения от критики реалистов, а с другой – признать значимость исследования поднятых ими проблем.

Два ключевых тезиса реалистической критики силлогистической модели правоприменения – о семантической неопределенности содержания норм, а также о неопределенности фактов – не рассматриваются Булыгиным в качестве аргументов против дедуктивной природы аргументации в праве³. Он инкорпорирует данные тезисы в разрабатываемую им теорию применения права, рассматривая ситуацию неопределенности фактов как «пробел в знании» о фактах, а ситуацию семантической неопределенности или расплывчатости предикатов – как «пробел в распознавании» (хартовский «случай полутени») ⁴, созда-

¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 90.

² Булыгин Е. В. Понятие действенности // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 283–286.

³ Булыгин и Альчуррон подчеркивают, что значение ситуаций неопределенности в праве не следует преувеличивать, в особенности в той степени, в какой это свойственно реалистам (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 74). Для пояснения тезиса об относительной определенности юридического языка Булыгин, в частности, использует аргумент о бесконечном регрессе актов толкования, с помощью которого демонстрирует, что язык, не удовлетворяющий минимальным условиям однозначности языковых выражений, «бесполезен как орудие понимания» (Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 63).

⁴ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 74.

ющий затруднения в осуществлении индивидуальной и/или родовой субсумции.

Полагая, что термин «субсумция» используется неоднозначно, Булыгин предлагает различать индивидуальную и родовую субсумцию. В отличие от случая классической субсумции, определяемой им как «индивидуальная», при которой судье необходимо определить, обладает ли индивидуальный объект свойством, обозначенным рассматриваемым предикатом, родовая субсумция предполагает установление того, какие логические отношения имеются между двумя предикатами¹, например, между предикатами «договор, подписанный в воскресенье» и «быть святотатственным»². Если «пробел в знании» может корректироваться с помощью юридических презумпций³, то способ работы с «пробелом распознавания» – установление судьей новых семантических правил, определяющих смысловое значение соответствующих предикатов, или использование уже существующих семантических правил.

При этом Булыгин и Альчуррон допускают, что в основе выбора соответствующих семантических правил могут лежать этические оценки⁴. Тем не менее имеющий волевую природу акт выбора судьей решения для преодоления неопределенности предикатов не рассматривается учеными в качестве аргумента против дедуктивной природы юридической аргументации, хотя и дает основания признать, что деятельность судьи не всегда носит когнитивный характер⁵. Можно сделать вывод о том, что Булыгин и Альчуррон смягчают тезис когнитивизма классической силлогистической теории, соглашаясь с Г. Кельзенем и реалистами в том, что «принятие решения является волевым актом и как таковое не определяется логикой», а «посылки логически корректного вывода влекут исключительно *содержание* (возможного) акта принятия решения». Это означает, что «если подобный акт принятия решения реализован, его называют обоснованным посредством посылок

¹ Булыгин Е. В. Границы логики и аргументация в праве // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 160–161.

² Там же. С. 159.

³ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 73; Булыгин Е. В. Границы логики и аргументация в праве. С. 160.

⁴ Булыгин Е. В. Границы логики и аргументация в праве. С. 168.

⁵ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 165.

этого умозаключения»¹. Иными словами, если судья принял решение, то «предложение, утверждающее, к примеру, что “договоры, подписанные в воскресенье, являются святотатственными”, выражает уже не ценностное суждение, но аналитическую пропозицию»².

Третий тезис реалистов – об определяющей роли в процессе принятия решения субъективных оценок судьи – отводится Булыгиным при помощи трех аргументов, каждый из которых относится к трем случаям возможного использования судьей такого рода оценок: 1) оценка доказанности того или иного факта, которая бывает необходима при индивидуальной субсумции; 2) оценка интерпретации правил, встречающаяся как в индивидуальной, так и в родовой субсумции; 3) применение оценочных предикатов к конкретным ситуациям.

1. Оценку судьей доказанности того или иного факта Булыгин и Альчуррон называют *эпистемической*, полагая, что это «оценка того же рода, что и оценка доказательств, выполняемая в эмпирических науках», и в этом смысле она не является этической. Доказательства оцениваются с точки зрения того, способствуют они или нет подтверждению истинности эмпирических предложений. Таким образом, оценка доказательств – это проблема установления того, было ли то или иное эмпирическое предложение должным образом доказано³.

2. Оценка судьей интерпретации правил, полагают ученые, дается в форме интерпретирующих предложений, которые не выражают оценочных суждений, но являются аналитическими пропозициями. Вместе с тем Булыгин признает, что выбор судьей интерпретации может быть психологически обусловлен ценностной установкой, включающей этическую оценку последствий принятия того или иного решения. Кроме того, он признает значимость этической оценки, которая «требует понимания ценностей, имплицитно содержащихся в нормах»⁴. Само по себе интерпретирующее предложение является применением существующих семантических правил или установлением новых⁵.

¹ Булыгин Е. В. Границы логики и аргументация в праве. С. 154.

² Там же. С. 168.

³ Там же. С. 167.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 168.

3. Проблема применения оценочных предикатов решается Булыгиным и Альчурроном по аналогии с различием норм и нормативных предложений, предполагающих соответственно их прескриптивное и дескриптивное (вторичное) использование. Оценочные термины, полагают они, также могут быть использованы дескриптивно в предложениях, которые выражают не оценку (одобрение или неодобрение), а являются описаниями того факта, что предмет рассмотрения соответствует оценочным стандартам или критериям определенного сообщества или социальной группы. Такие предложения выражают дескриптивные пропозиции относительно фактов, т.е., иными словами, судья не делает оценок, а только применяет стандарты оценок, сложившиеся в обществе или той социальной группе, к которой он принадлежит¹.

Таким образом Булыгин и Альчуррон нивелируют значение тезиса реалистов о роли субъективных оценок судьи в аргументации решения: будучи сведенными к эмпирическим, интерпретирующим либо оценочным предложениям, которые часто бывают необходимыми для установления посылок умозаключения, они не способны поколебать вывод о том, что «аргументация, – то есть шаги, ведущие от посылок к заключению... может быть реконструирована, как дедуктивный вывод»².

Вместе с тем, отвечая на критические аргументы реалистов, Булыгин эксплицирует более сложную, по сравнению с классической дедуктивной моделью, структуру мотивировочной части судебного решения: наряду с *общими нормативным предложениями*, составляющими нормативное основание решения, и *эмпирическими предложениями*, используемыми для описания фактов, в ней присутствуют также предложения, которые необходимы для установления или уточнения посылок умозаключения и которые он называет «*определениями* в широком смысле»³. Они включают в себя интерпретирующие предложения, определяющие объем понятия и его содержание, а также и дескриптивные оценочные предложения, фиксирующие фактически существующие социальные стандарты оценок. «Когда судья принимает решение о значении таких выражений как “состоятельный арендатор” или “корыстный

¹ Там же. С. 168–170.

² Там же. С. 155.

³ Булыгин Е. В. Судебные решения и правотворчество // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 185.

интерес», – поясняет Булыгин, – он не создает нормы, а определяет понятия»¹. Иными словами, судья вводит «постулат значения»². При этом само решение, т.е. его резолютивная (диспозитивная) часть, рассматриваемая Булыгиным как *выводимая* из общих норм и описаний фактов индивидуальная норма, выполняет перформативную функцию³, вызывая определяемые данной нормой эффекты в сфере прав и обязанностей.

Разделяя рациональный идеал нормативной полноты и рассматривая его как «необходимое условие для деятельности юристов, если их работа претендует на звание науки»⁴, Булыгин рассматривает понятие *нормативного обоснования* решения как особый тип рационального объяснения – обоснование деонтической квалификации действия⁵. Он полагает, что философия права не уделяла должного внимания данному вопросу как простому и очевидному⁶. Он также изымает доктрину разделения функций создания и применения права из политико-идеологического контекста классического либерализма и переформулирует тезис о том, что судья только применяет, а не создает право: требование рационального обоснования решения означает, что основания для вынесения решения не должны создаваться самим судьей⁷. Соответственно метафора «связанности» судьи законом означает, что на судью нормами правопорядка возложена обязанность эксплицитного обоснования решения при помощи общих норм⁸. Однако возможно ли отождествить обоснование решения с его выводением?

3. Обоснование vs выведение решения

В «деле Алисы» – вымышленной ситуации, сконструированной сторонником юснатурализма Э. Д'Амато, – водителя Алису штрафуют за выезд на полосу встречного движения, который она совершила на дороге с двойной сплошной линии разметки. Алиса пыталась спасти

¹ Булыгин Е. В. Судебные решения и правотворчество. С. 199.

² Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 96.

³ Булыгин Е. В. Судебные решения и правотворчество. С. 185.

⁴ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 181.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Булыгин Е. В. Судебные решения и правотворчество. С. 184.

⁷ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 191.

⁸ Булыгин Е. В. Понятие действительности. С. 285.

жизнь ребенка, неожиданно выбежавшего на дорогу¹. Пока Алиса безуспешно пытается оспорить штраф в суде, происходит другое ДТП, в котором выбежавший на дорогу ребенок гибнет под колесами машины Брюса, двигавшейся по своей полосе. Разворачивается дискуссия о том, следует или нет внести в правила дорожного движения изменения, учитывающие исключительные обстоятельства, и Верховный суд решает оставить правила без изменений, потому что исключительные обстоятельства (выбежавшие животные, водитель спешит в аэропорт или больницу и т.д.) не отменяют здравого смысла в обосновании и принятии судебных решений. Для нужд нашего обсуждения достроим случаи Алисы и Брюса случаем Степана. Он, как и Алиса, желает оспорить в суде штраф за выезд на встречную полосу движения с пересечением двойной сплошной линии разметки, потому что считает, что ничего нарушил. На фотографии с камеры видеонаблюдения, приложенной к поступившему по почте уведомлению о штрафе, разметки на дороге не видно из-за снега².

Булыгин и Альчуррон предложили двухэтапную модель правоприменения, в которой в обосновании решения устанавливается необходимая связь между случаем и решением посредством дедуктивных рас-

¹ Моисеев С. В. Философия права: курс лекций. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2004. С. 75–87.

² При рассмотрении дела Алисы мы абстрагируемся от нормативных исключений, которые могут иметься в законодательстве той или иной страны, как, например, ст. 2.7 КоАП РФ, исключающая привлечение к административной ответственности лица, действовавшего в состоянии крайней необходимости, – потому что при наличии в кодексе соответствующих исключений не было бы казуса Алисы. Отвлекаемся мы и от ряда свойств случаев разных агентов, а также подразумеваем деликтоспособность агентов, о которых пойдет речь. Указанные допущения необходимы, чтобы избежать ошибки круга в обосновании. Разговор о логических свойствах отменяемости и исключений из норм заведомо подразумевал бы не дедуктивный, а немонотонный, или модифицируемый, характер выведения содержания решения, с чем авторы статьи согласны, в отличие от авторов «Нормативных систем». В духе используемого ими разграничения между логическим пониманием решения случая как заключения, выводимого из посылок, и юридическим его пониманием как вердикта, принимаемого волевым актом судьи, содержанием которого выступает решение в логическом понимании, мы также подразумеваем наличие правоприменительных решений, необходимых на некоторых шагах реконструируемых рассуждений, что отражено в соответствующих посылках.

суждений при помощи двух ключевых понятий – нормативной системы и нормативного множества. На первом этапе правоприменитель на основе общей (родовой) нормы выводит родовое решение, устанавливая необходимую связь между описанием родового случая и его решением, как они сформулированы законодателем, а на втором этапе он выводит индивидуальную норму из общей (родовой) нормы, взятой совместно с необходимыми определениями и предложениями, описывающими факты конкретного случая¹. Это подразумевает, что правоприменитель производит две субсумции, родовую и индивидуальную, и создает два нормативных множества – два набора посылок, первый – для выведения общей, и второй – для выведения индивидуальной нормы.

Нормативным множеством Булыгин и Альчуррон считают частный случай нормативной системы, понимаемой двояко, в логическом смысле – как дедуктивную формальную систему в духе А. Тарского, и в юридическом смысле – как упорядоченный набор норм, созданный законодателем, т.е. кодекс норм, например, свод законов государства, начиная с конституции страны, или собрание отраслевых норм – трудовой, семейный и т.п. кодексы. В логическом смысле формальная система – это система аксиом и правил вывода, включающая все свои следствия, полученные из этих аксиом по правилам вывода. Предложения, выступающие следствиями, могут быть модальными или немодальными, в зависимости от принимаемых аксиом.

Объединение логической формальной системы и нормативной системы в юридическом смысле позволяет Булыгину и Альчуррону предложить шесть определений нормативной системы применительно к тому, каким образом содержащиеся в кодексе нормы влекут решения – деонтические предложения вида PA , OB , $O\neg A \wedge B$ и т.п., где A и B – это описания определенных кодексом действий, сделавшихся в силу решений дозволенными, обязательными или запрещенными соответственно. Нормативное множество – это «множество высказываний, среди следствий из которого есть такие, что устанавливают связи между случаями и решениями... Когда среди следствий множества высказываний есть такое, что связывает случай и решение, ... это множество имеет нормативные следствия»².

¹ Булыгин Е. В. Судебные решения и правотворчество. С. 186.

² Там же. С. 91.

Обозначим совершенное Алисой запрещенное действие *Выезжать на полосу встречного движения* через p , а условие *Наличие двойной сплошной линии разметки на дороге* – через t , тогда нарушенную ею норму можно записать при помощи сильного деонтического оператора O и символа отрицания \neg :

(1) $O \neg p / t - B$ *в условиях двойной сплошной линии разметки выезжать на полосу встречного движения запрещено.*

Свод правил дорожного движения, элементом которого является (1), – это пример нормативной системы, в ней также содержится норма о назначении штрафа за нарушение нормы (1):

(2) $O s / p \wedge t - B$ *Обязательно уплатить штраф, если был совершен выезд на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки.*

(1) и (2) – часть нормативного множества, составленного правоприменителем для выведения общей (родовой) нормы в решении родового случая. В него также войдут свойства p и t , описывающие родовый случай $p \wedge t$ путем указания на два его необходимых свойства, выезд на полосу встречного движения и пересечение двойной сплошной линии разметки. Родовые свойства случаев закреплены законодателем в гипотезах (антецедентах) норм вроде (1) и (2), представляющих собой условные предложения, консеквенты которых выражают деонтически определенные действия, образующие две деонтические пары – $O s \vee \neg O s \wedge O \wedge s \neg \wedge \neg O \neg s^1$, вместе исчерпывающие универсум решений по поводу двух действий, *платить штраф* и *не платить штраф*. В деле Алисы речь идет о первом из двух действий – платить штраф, поэтому мы отвлекаемся от рассуждений по отбрасыванию второго действия не платить штраф и обратимся к выбору правоприменителем одного из решений первой пары²:

(3) $O s \vee \neg O s - B$ *Обязательно платить штраф или неверно, что обязательно платить штраф.*

Создание нормативного множества для решения «дела Алисы» призвано обосновать отбрасывание второго дизъюнкта $\neg O s$ путем выведения выраженного левым дизъюнктом решения

¹ Строго говоря, деонтическую пару составляют $O s \vee O \neg s$, потому что в паре $\neg O \neg s \vee \neg O s$ нет норм. Она представляет собой дизъюнкцию описательных утверждений об отсутствии в кодексе соответствующих норм, ее следовало бы символически записать так: $\sim O \neg s \vee \sim O s$.

² Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 78.

(5) $O s$.

Нормативное множество позволяет сформировать немодальное описание родового случая, решением которого будет взятие одного из компонентов деонтической пары в качестве следствия из соответствующих норм и описания данного случая путем указания его свойств:

(1) $O \neg p / t - В условиях двойной сплошной линии разметки выезд на полосу встречного движения запрещено;$

(2) $O s / p \wedge t - Обязательно платить штраф, если был совершен выезд на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки;$

(4) $p \wedge t - Имеет место случай выезда на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки;$

(5) $O s - Обязательно платить штраф.$

Упорядоченная нормативная система N_A дела Алисы включает родовое нормативное множество $NG_A = \{(1), (2), (4)\}$, в котором (1) и (2) – это нормы из свода правил дорожного движения, (4) – описание родового случая, (5) – это решение родового случая, влекомое NG_A .

По Булыгину и Альчуррону, всякая нормативная система в юридическом смысле содержит три Универсума – свойств, случаев и действий, с которым нужно соотнести определенный элемент четвертого – Универсума решений, составив нормативные множества из первых трех определенным образом, например, как мы сделали в деле Алисы. Подобная операция выведения и есть создание общей (родовой) нормы, представленной в виде $NG_A = \{(1), (2), (4)\}$, и родового решения (5). Шесть определений нормативной системы охватывают все возможные способы дедуктивного выведения решения вроде (5) из нормативного множества вроде NG_A^1 .

Под нормативной системой можно понимать $NG_A +$ дополнительное описание случая, чтобы нарушением считался, например, не только выезд на встречную полосу путем пересечения двойной сплошной линии разметки, но также и выезд в условиях ограниченной видимости и т.п.; NG_A с полным перечнем возможных родовых случаев, составленных из свойств p и t и их отрицаний ($t \wedge p, \neg t \wedge p, \neg t \wedge \neg p, t \wedge \neg p$) – последний из них характеризует случай Брюса, а случай Степана

¹ Там же. С. 91–92.

можно истолковать как первый или второй; NG_A с максимальной формулировкой решения

(5') $O s \wedge \neg P \neg s - Обязательно платить штраф и неверно, что дозволено не платить штраф,$ взятой вместо используемой обычно ее минимальной формулировки (5).

Нормативная система Булыгина и Альчуррона – это переформулирование нормативной системы в юридическом смысле в нормативную систему в логическом смысле при помощи выделения в первой соответствующих нормативных множеств. По их замыслу, в создании таких нормативных множеств и заключается работа правоприменителя.

4. Обоснованность и корректность решения

Для того чтобы дедуктивное соотношение в нормативной системе дела Алисы N_A было корректным и обоснованным, недостаточно логического правила *modus ponens*, посредством которого решение (5) выведено из (1), (2) и (4). Гарантом наличия отношения логического следования между посылками и заключением в N_A выступают полнота и непротиворечивость NG_A . Нормативное множество, не обладающее этими свойствами, может включать противоречивое описание случая, фактическую ошибку или пробел, и тогда, соответственно, из него в силу *ex falso quodlibet* можно логически вывести противоположные решения $O s$ и $P \neg s$, или множество решений для данного случая окажется пустым.

В своей двухэтапной модели правоприменения, Булыгин выносит эту проверку за ее рамки. В «Нормативных системах» именно ей посвящена Часть I, где авторы демонстрируют, почему презюмируемые идеалы содержательной полноты и непротиворечивости права не годятся для дедуктивной модели правоприменения, для которой необходимо сформулировать требуемые свойства нормативных систем как логические. О решении проблем с пробелами в знании, распознавании и отнесении авторы говорят в Части II не в связи со свойствами, которыми нормативные системы обладают, а в связи с рациональным идеалом полноты права, рассматривая, «какой должна быть нормативная система, т.е. какими свойствами и характеристиками она должна обладать,

чтобы быть хорошей нормативной системой»¹. По мнению Булыгина, требования полноты и непротиворечивости нормативной системы – это не свойства права, и, стало быть, не свойства нормативной системы в юридическом смысле, а требования, обращенные к правоприменителю, конструирующему нормативное множество – нормативную систему в логическом смысле – для обоснования решения по делу.

Убедиться в том, что NG_A отвечает требованиям полноты и непротиворечивости можно двумя путями. Можно заранее подразумевать полноту и непротиворечивость созданной законодателем нормативной системы, и поэтому считать, что NG_A как ее часть тоже ими обладает, либо доказать соответствующую теорему об NG_A , как это принято в логике. Альчуррон и Булыгин избирают второй путь, указывая на уже найденные доказательства для используемой ими деонтической системы.

Постулат непротиворечивости нормативной системы NS можно понимать относительно отрицания или абсолютно. В первом случае имеют в виду, что среди элементов NS не найдется пары, состоящей из предложения и его отрицания:

(6) NS непротиворечива относительно отрицания, если и только если для всякого A , такого что $A \in NS$, верно, что $\neg A \notin NS$.

Хотя (6) использует отрицание \neg как логическую функцию, меняющую значение предложения на противоположное, с истинного на ложного или наоборот, оно сообщает не о свойствах предложений, а о составе NS . Для NG_A (6) означает, что для того, чтобы обосновать выведение решения (5), правоприменителю надлежит прежде позаботиться о том, чтобы описание родового случая не содержало конъюнкции свойства и его отрицания вроде $m \wedge \neg m$. Даже в несложном случае Степана это может быть не так уж просто, и тем более затруднительно – в сложном описании родового случая с длинным списком свойств.

Абсолютная непротиворечивость касается результата операции взятия следствий Cn на данном множестве, отбрасывающего по крайней мере одно из них:

(7) NS абсолютно непротиворечиво, если и только если среди множества следствий из NS , $Cn(NS)$, найдется такое A , что $A \notin Cn(NS)$.

¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 182.

(7) является обобщением (6) и, в отличие от (6), позволяет распространить свойство непротиворечивости на нормативные системы как влекущие решения, в наших случаях – это предложения с деонтически-модальностями. (6) в качестве неформального презюмируемого идеала непротиворечивости¹ подразумевает, что «утратила бы смысл сама деятельность правоведов по систематизации (в смысле кодификации, инкорпорации, консолидации правовых актов) права – “систематизация системы” выглядит столь же бессмысленно, как “чернение черноты” или “выпрямление прямоты”»². При помощи (7) Альчуррон и Булыгин объясняют логическую процедуру отбрасывания одного из компонентов деонтической пары при выведении решения (см. Т45 в Приложении к «Нормативным системам»)³. Как мы видели выше, в N_A отбрасываемым компонентом деонтической пары $Os \vee \neg Os$ на шаге (3) является второй дизъюнкт, в результате чего выведено решение (5) Os .

5. Совместимость решений, выводимых из родового и индивидуального нормативных множеств

Второй этап обоснования решения состоит в образовании нового нормативного множества, включающего общую (родовую) норму, полученную на первом этапе. Условимся вместо свойств m и p из NG_A говорить о предикатах M и P , которые должны быть присущи индивидуальному случаю, согласно (1) и (2). Задача второго этапа – продемонстрировать, что они характеризуют случай Алисы a :

(8) $a (Ma \wedge Pa)$ – водитель Алиса выехала на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки.

Вследствие этого индивидуальное нормативное множество $NI_A = \{(1), (2), (4), (5), (8)\}$ влечет (минимальное) решение $O_a S$, согласно которому Алиса должна уплатить штраф, образуя нормативную систему «дела Алисы» $N_A = [(1), (2), (4), (5), (8), (9)]$:

¹ Ogleznev V., Surovtsev V. The Constitution as an Axiomatic System // Axiomathes. 2018. № 28 (2). P. 223, 231.

² Антонов М. В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 1. С. 27.

³ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 78–79, 198.

(1) $O \neg p / t$ – В условиях двойной сплошной линии разметки выезд на полосу встречного движения запрещено;

(2) $O s / p \wedge t$ – Обязательно уплатить штраф, если был совершен выезд на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки;

(4) $p \wedge t$ – Имеет место случай выезда на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки;

(5) $O s$ – Обязательно уплатить штраф;

(8) $a (Ma \wedge Pa)$ – Водитель Алиса выехала на полосу встречного движения в условиях двойной сплошной линии разметки;

(9) $O_a s$ – Водитель Алиса должна уплатить штраф.

(9) – это резолютивная часть правоприменительного акта.

NI_A , аналогично NG_A , должно отвечать требованиям непротиворечивости и полноты, и доказательство того, что оно ими обладает, сталкивается с теми же трудностями, о которых шла речь применительно NG_A . Необходимость сконструировать описание индивидуального случая в (8) делает эту задачу еще более сложной, потому что в эмпирических случаях возрастают риски пробелов, о которых говорилось выше, коллизий или ошибок.

Так, противоречие в описании родового случая, имплицитно содержащееся в нормах закона, вкралось в обоснование правоприменительного решения по делу А. С. Лымарь, которое было пересмотрено согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П. Обвиняемые в тяжких преступлениях, за которые предусмотрено пожизненное заключение, имеют право на суд присяжных, однако А. С. Лымарь, обвиняемой в убийстве, было отказано в рассмотрении ее дела судом присяжных. В силу того, что ее как женщину не могут приговорить к пожизненному заключению, ее дело не подлежит рассмотрению в вышестоящем суде, где, будь она мужчиной, оно могло быть рассмотрено судом присяжных. В силу противоречия из родового нормативного множества были выводимы и решение об удовлетворении ходатайства А. С. Лымарь о рассмотрении ее дела судом присяжных, и решение об отказе ей в этом, и суд первой инстанции предпочел отбросить первое и оставить второе. КС, обнаружив противоречие, рекомендовал законодателю устранить его, и постановил, напротив, вывести первое решение, отбросив второе.

Примером возможной ошибки служит дело Степана. Следует ли считать описание фактического случая $s(Mc \wedge Pc)$ истинным в его деле, где камера видеонаблюдения по умолчанию настроена фиксировать факт пересечения нанесенной на дорожное полотно двойной сплошной линии разметки, и подразумевается безошибочность этой фиксации, а такие обстоятельства, как видимость разметки и ее различимость для водителя, не учитываются? Несмотря на различия в казусе Алисы и деле Степана, обе ситуации показывают, как заключение, логически корректно выведенное из посылок, может быть юридически некорректно в качестве решения дела. Кроме того, в обоих казусах речь идет о наличии или отсутствии вины в действиях агентов, а следовательно, о наличии или отсутствии оснований для привлечения их к ответственности. И в том, и в другом случае для привлечения лица к ответственности суд устанавливает состав правонарушения, элементом которого является вина – отношение лица к деянию. Для того чтобы ее корректно установить, в описании деяния (фактов) не должно быть ошибок, как это имело место в случае Степана.

Подобные вопросы указывают на необходимость уточнения совместимости нормативных множеств NI_A и NG_A в нормативной системе дела Алисы N_A . Через обращение в суд для отмены штрафа эту совместимость оспаривают Алиса и Степан, она сделалась предметом общественной дискуссии, развернувшейся по делу Алисы, и нацеленной ограничить применимость свойства t для подобных случаев специальными свойствами, отражающими исключительные обстоятельства. В деле Алисы суд установил исключение *ad hoc*, однако суд мотивировал свое решение не необходимостью установить исключение для данного дела, а «истинным» смыслом правил, выявленным при помощи телеологического толкования и использования аргумента *reductio ad absurdum*.

Для уточнения совместимости родового и индивидуального множеств часто прибегают к презюмированию непротиворечивости относительно нормативной системы в целом в духе (6), что образует круг в обосновании. Говоря о взятии следствий из нормативных множеств NI_A и NG_A , мы ссылаемся на непротиворечивость (6), и одновременно предполагаем, что ее подразумевают и те, к кому обращено обоснование решения путем выведения следствий. (7) поможет в несложном случае,

каким поначалу видится решаемое в автоматическом режиме дело Степана, но уже при оспаривании штрафа доказательство придется строить заново. Кроме этого, оно касается формальных реконструкций нормативных систем и оставляет за бортом содержательную работу по их порождению в уме судей и использованию для обоснования решений. «В то время как формально-логический аппарат, несомненно, должен играть свою роль, целостное представление о поддерживающем характере свидетельств и данных, правомерности исков и т.д., потребует дополнительных ресурсов совершенного иного, неформального, сорта»¹.

Проблема совместимости NI_A и NG_A коренится в том, что понятие непротиворечивости (6) оказывается недостаточным, а (7) – чересчур жестким ограничением для тех случаев, когда правоприменителю приходится прибегать к принципам, чтобы сформулировать новые свойства случаев на их основе, например, когда «то, что создают судьи, представляет собой не нормы, а определяющие утверждения»². На помощь приходит идея когерентности, выполняющая три функции по отношению к нормативной системе – систематизирующую, упрощающую и отменяющую³. Первая из них открывает перспективу устранения пробелов путем добавления к нормативной системе выводимой из принципов новой нормы, что сохраняет когерентность системы; вторая позволяет свести затруднения с нормативной системой к набору предлагаемых в ней принципов с целью извлечения из них новых правил; третья указывает на возможность пересмотра правил или дерогации норм.

Заключение

Причина того, что обоснование решения не тождественно его выведению, коренится в том, что нормативные системы и нормативные множества, как было показано, неодинаковы на этапах получения родового и индивидуального решения. Совместимость двух нормативных мно-

¹ Haack S. On Logic in the Law: “Something, but not All” // Ratio Juris. 2007. Vol. 20. No. 1. P. 9.

² Булыгин Е. В. Судебные решения и правотворчество. С. 199.

³ Ratti G. B., Rodriguez J. L. On Coherence as a Formal Property of Normative Systems // Revus. 2015. No. 26. P. 141.

жеств, родового и индивидуального, не гарантирует отношения логического следования между ними, но является важным логическим требованием к корректности обоснования.

Обоснование решения подразумевает отбор и упорядочение соответствующих норм на первом этапе субсумции, а также их дальнейшее переупорядочение для получения родового и индивидуального решения. Наиболее адекватной логической операцией упорядочения множества норм является взятие следствий из него, требующее задания специальной функции выбора следствий¹. Результаты операций взятия следствий и отношения между нетождественными их результатами, полученными при помощи разных функций, можно реконструировать как дедуктивный вывод, но избрание такой функции подобным образом реконструировать невозможно, оно требует особого обоснования, которое остается за кадром логической реконструкции обоснования решения, предъявляемого как дедуктивное рассуждение.

Summary: In the paper, we advocate the claim that the requirement of the logical correctness of the justification of legal decisions, which is the cornerstone of the deductive model of law enforcement, on the one hand, is insufficient, for it provides no formal soundness of legal decisions, and on the other hand, it is too restrictive, because the proof of its formal consistency provides no demonstration of the compatibility and coherence for its conceptual steps of justification. Without abandoning the rational ideal of the logical correctness of the justification of legal decisions and with the help of the artificial “Alice case”, we show that for the reconstruction of the justification as a deductive inference it is necessary and sufficient that the content of the decision – the conclusion of law enforcement reasoning – be compatible with the content of its premises, from which it is inferred. For the constructing of such reasoning, rejection of the incoherent elements is more important than meeting the requirement of the logical correctness. The contribution of E. V. Bulygin to the development of the deductive model of law enforcement, to which our study is devoted, does not exempt it from the epistemic and social limitations.

Keywords: norms, normative systems, deductive law enforcement model, justification, decision.

¹ Альчуррон К. Э., Герденфорс П., Макинсон Д. О логике изменения теории: функции сокращения и ревизии частичного пересечения // «Нормативные системы» и другие работы... С. 318–343.

362. *Wróblewski J.* Concepts of Legal System and Conceptions of Validity // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Iuridica.* 1986. T. 24. P. 3–22.

363. *Wróblewski J.* Three concepts of validity of law // *Juridiska Föreningen i Finland.* 1982. No 118. P. 406–419.

364. *Παπαδόπουλος Σ. Γ.* Ἑλληνικά μεταφράσεις θωμιστικῶν ἔργων. Θιλοθωμιστά κα ἀντιθωμιστά ἐν Βυζαντίῳ. Ἀθήναι, 1967.

365. *Παπαδόπουλος Σ. Γ.* Συνάντησις ὀρθοδόξου κα σχολαστικῆς θεολογίας (ἐν τῷ προσώπῳ Καλλίστου Ἀγγελικοῦδη κα Θωμᾶ Ἀκινάτου). Θεσσαλονίκη, 1970.

Список авторов

Антонов Михаил Валерьевич – доктор права, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербургский филиал;

Варламова Наталия Владимировна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН;

Васильева Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета;

Ветютнев Юрий Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Дидикин Антон Борисович – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Карпенко Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России;

Карташов Владимир Николаевич – доктор юридических наук, профессор и заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Краевский Арсений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета;

Купцова Ольга Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и экологического права юридического факультета

Национального исследовательского Нижегородского государственного университета;

Кускова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук и межкультурных коммуникаций Электростальского института (филиала) Московского политехнического университета;

Лавренюк Илья Константинович – студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

Лисанюк Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Мачин Игорь Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета;

Оглезнев Виталий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета; профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета;

Павлов Вадим Иванович – кандидат юридических наук, докторант Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь;

Пермяков Юрий Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского государственного университета;

Петров Александр Александрович – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Челябинской области;

Поцелуев Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, доцент и заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета;

Тимошина Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета;

Тонков Евгений Никандрович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-

Петербургского государственного университета, преподаватель Института адвокатуры (Санкт-Петербург), адвокат;

Честнов Илья Львович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Шуман Андрей Николаевич – кандидат философских наук, профессор и заведующий кафедрой когнитивистики и математического моделирования Университета информационных технологий и менеджмента в Жешуве (Польша).